

© 2001 г.

VII НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Н.П. СОКОЛОВА В НИЖЕГОРОДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

(27–28 октября 2000 г.)

27–28 октября 2000 г. на историческом факультете Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского прошли ставшие уже традиционными VII научные чтения памяти профессора Н.П. Соколова. В них приняли участие ученые и аспиранты из разных городов России, а также студенты старших курсов исторического факультета ННГУ. В секции древней истории было представлено 23 доклада.

Профессор *Е.А. Молев*, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков ННГУ, представил доклад «Положение Боспора в составе Понтийской державы Митридата Евпатора». Поставив под сомнение тезис об особом положении Боспора в составе державы Митридата VI, он обратил особое внимание на два момента: отсутствие собственного царя на Боспоре после гибели последнего Спартокида в 107/106 г. до н.э. и отсутствие в источниках сведений об управлении Боспором в это время кем-либо из сыновей Митридата. По мнению докладчика, первоначально Боспор управлялся, как и Колхида, наместником из числа «друзей» царя, и лишь после нового покорения Боспора Митридатом (85–83 гг. до н.э.) таковым мог стать его сын, скорее всего Махар. *С.А. Яцемирский* (Нижний Новгород) в своем выступлении представил перевод и комментарий одного из самых крупных финикийских эпиграфических памятников – надписи библского царя Йехавмилка (VI–V вв. до н.э.) и обратил внимание на ее значение как ценного исторического источника. В сообщении *Е.Н. Баниной* (Нижний Новгород) «Животные и растения в культуре богини Афродиты» была предпринята попытка определить на основе анализа комплекса растений и животных – постоянных спутников Афродиты – связь богини с тремя составляющими мироздания – небом, землей и подземным миром. Соединяя в себе эти стихии, Афродита предстает как древнейший космический образ, выражающий идею круговорота жизни и смерти, а любовь, олицетворяемая богиней, становится основой устройства вселенной.

Е.А. Захарова (Москва) посвятила свой доклад роли женщин в героической мифологии, отметив, что в отличие от мужчин, для которых главным признаком героической сущности были воинские заслуги, женщины становятся героинями, прежде всего, в силу происхождения от божеств и царей. Большинство героинь первоначально было божествами доолимпийской религии, являясь персонифицированными силами природы. Каждый из рассмотренных женских образов выполнял какую-то свою главную функцию: красавицы или чародейки, пророчицы или соперницы богов. Темой доклада *Н.В. Молевой* (Нижний Новгород) было место собаки как хтонического образа в мифологическом сознании греков (на основе анализа греческой вазописи VIII–V вв. до н.э.). Сюжет и детали росписей позволяют говорить о ярко выраженном пограничном положении собаки между миром живых и мертвых. Грекам еще с гомеровских времен было свойственно наряду с бытовым особое, культовое отношение к собаке, генезис которого прослеживается с эпохи неолита и поздней бронзы. Все это, по мнению автора, свидетельствует о формировании общей культурной средиземноморской традиции. *О.В. Лапина* (Нижний Новгород) в своем докладе рассмотрела связи культовых центров Аполлона в Дельфах и на Делосе с Херсонесом в период с VI по I вв. до н.э. Анализ данных эпиграфики и нумизматики позволяет говорить о значительной роли культа Аполлона в политической, экономической и культурной жизни Херсонеса. *В.С. Борисова* (Нижний Новгород) в сообщении «Монеты с легендами АП-АПОЛ на Боспоре» попыталась определить хронологическую последовательность выпусков монет данных типов и высказала предположение, что эти монеты символизировали новое политическое объединение на Боспоре во второй–третьей четверти V вв. до н.э.

В.М. Строгоцкий (Нижегород) проанализировал в своем докладе социально-психологические корни афинской гегемонии над союзниками в V в. до н.э. По мнению докладчика, афиняне считали такие важные демократические принципы, как *isonomia* и *isegoria*, своим исключительным достижением и благодаря этому испытывали чувство неоспоримого превосходства над другими эллинами. Гордость за свою демократию вселила в афинян уверенность в законности их господства над союзниками и обусловила возможность несоблюдения по отношению к ним важнейших демократических принципов. *В.В. Антонов* (Нижегород) в докладе, посвященном вопросу о роли апойкий в системе афинских колоний, пришел к выводу, что основание афинянами ряда «независимых» поселений в 40–30-е годы V в. до н.э. преследовало не только военно-политические, но и экономические цели, связанные с эксплуатацией в интересах Афин тех регионов, где апойкии располагались. Независимость их была фиктивной, фактически же их основание было очередным этапом имперской политики создания крупного государства на основе принципа нового территориального единства. *Н.А. Касаткина* (Нижегород) в докладе «Афинская колония в Потидее» на основе анализа широкого круга нарративных и эпиграфических источников обосновала вывод о возвращении Афин в 60-х гг. IV в. до н.э. к политике выведения клерухий, широко проводившейся ими в V в. до н.э. Это было обусловлено перенаселенностью Аттики. Зная о ненависти союзников к клерухиям, афиняне изменили тактику и стали выводить клерухии на территории полисов, не являвшихся членами Второго Афинского морского союза.

К актуальной сегодня проблеме так называемой «вертикали власти» обратился в докладе «Территориальная округа в федерациях эллинистической Греции» *С.К. Сизов* (Нижегород). Особо подчеркнув, что главными целями образования этих округов были упорядочение военных сил, централизованный сбор федеральных взносов и организация союзных советов, докладчик отметил, что округа в Ахейском и Этолийском союзах никоим образом не являлись субъектами федерации: эту роль выполняли только полисы. Кроме того, нет серьезных аргументов в пользу мнения некоторых исследователей о том, что округа обладали собственной сферой компетенции, органами самоуправления, издавали окружные законодательные акты. *Н.Ю. Сивкина* (Нижегород) посвятила свое выступление истокам Союзнической войны 220–217 гг. до н.э., обратив особое внимание на тонкую дипломатическую политику стратега Ахейского союза Арата, который использовал недалекость Доримаха и Скопаса, фактических на тот момент руководителей Этолийского союза, и втянул их в войну с Мессенией, а затем и со всей Эллинистической лигой. Проблема зарождения и развития идеи ненасилия в древности была поднята в докладе *А.В. Хазиной* (Нижегород). Отметив беспрецедентность одновременного возникновения в середине I тыс. до н.э. идеи ненасилия в Персии (Кир), Греции (Сократ, стоики), Китае (Конфуций) и, несколько ранее, в Иудее, она сосредоточила основное внимание на эпохе эллинизма, когда в результате конвергенции языков и культур эта идея широко распространилась по всему ареалу эллинистической культуры. Наиболее же детально разработку идея ненасилия получила у представителя Средней Стои Посидония Апамейского.

Проблема зарождения ветеранского сословия в Риме в конце II в. до н.э. стала темой доклада *А.Е. Маркова* (Нижегород). По его мнению, причиной появления «сословия» ветеранов стала серия длительных войн, которые вел Рим на рубеже III–II вв. до н.э.; затухание же римской агрессии в 60-е годы II в. до н.э. привело к его размыванию. *А.П. Беликов* (Ставрополь) в докладе, посвященном восточной торговле Рима в III–I вв. до н.э., выступил против теории «торгового империализма». На основе обобщения широкого круга источников автор сделал вывод, что торговые интересы не играли существенной роли в экспансионистской политике Рима на Востоке вплоть до конца I в. до н.э. *А.Р. Панов* (Арзамас) рассмотрел в своем докладе различные аспекты римского влияния на монетное дело Боспора в период правления Ассандра. По мнению докладчика, отсутствие надежных свидетельств прямого вмешательства Рима в монетное дело Боспора и помещение Ассандром своего портрета на монеты характеризуют его как вполне самостоятельного монарха. *С.П. Доманина* (Нижегород) обратилась в своем выступлении к вопросу о трансформации религиозной политики Рима в начале II в. н.э. Отказ Адриана от экспансионистской политики и назревшая к началу II в. н.э. необходимость более тесного сближения Рима с провинциями нашли свое отражение и в религиозной политике императоров, что выразилось в создании культа Ромы в столице Империи и смене статуса императорского культа. В докладе *А.В. Колобова* (Пермь) «Легионеры-бенефициарии в системе управления Римской империи» был дан развернутый анализ служебных функций и особенностей карьеры солдат-бенефициариев и на основе данных эпиграфики обоснован вывод о постепенном преодолении отчуждения между бенефициариями и населением тех провинций, где они несли службу: нередко они сами были местными уроженцами и имели тесные связи с жителями провинциальных городов.

Соотношению норм римского права с реальными действиями командования в ситуации военного мятежа был посвящен доклад *А.В. Махлаюка* (Нижегород). Отметив, что римское военно-уголовное право, окончательно сформировавшееся только к II–III вв., трактовало мятеж как тягчайшее преступление, докладчик подчеркнул, что на практике часто все зависело от решительности полководца и изменения настроения самих солдат, а военно-правовые нормы были не столько однозначными предписаниями, сколько ориентиром для полководца. *Е.В. Шилова* (Нижегород) в докладе, посвященном механизму передачи императорской власти в IV в., отметила превалирование в этот период принципа естественного насле-

дования над принципом усыновления, что нашло свое отражение в династической политике Констанция II. Однако недостаток авторитета у последнего, а также неблагоприятное стечение обстоятельств не способствовали успеху этой политики. *И.Ю. Вацева* (Нижний Новгород) посвятила свое выступление вопросу о реальном наполнении понятий «церковь» и «церковная история» у византийских авторов IV–VI вв. и выдвинула тезис о том, что сам термин «церковь» в эту эпоху еще не получил своей канонической однозначности, обозначая «общину» в узком и в широком (все христиане мира) смыслах и даже церковь как здание; церковная (христианская) история ассоциировалась у ранневизантийских историков со всемирной. Классификация письменных источников по истории Северного Понта IV–XII вв. была представлена в выступлении *Н.Н. Болгова* (Белгород), который дал краткий обзор данных традиции по истории позднеантичного Боспора, особо подчеркнув их неполноту, фрагментарность и избирательный характер сообщаемых сведений.

Вклад видных российских историков-антиковедов второй половины XIX – начала XX в. в изучение римской колонизации VI–II вв. до н.э. осветил в своем докладе *А.В. Юдин* (Москва), сосредоточив внимание на мотивах обращения отечественных исследователей к данной проблеме, а также на характеристике основных исторических концепций, которые послужили базой для их исследований.

В заключение состоялось обсуждение прослушанных докладов. Участниками чтений были высказаны ценные замечания и пожелания.

В.В. Антонов